

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

**Юрий Львович
БЕССМЕРТНЫЙ**

Неожиданная - и от этого еще более трагичная — кончина одного из создателей "Одиссея", Ю.Л. Бессмертного (15.08.1923-30.11.2000) подвела печальный итог уходящего столетия. Человек, который, казалось, был самым олицетворением движения, жизни, внезапно стал частью прошлого. Трудно себе представить масштаб этой утраты... Трудно осознать всю тяжесть потери...

Жизнь не смогла поставить его на колени. Внезапная смерть встретила его на гребне волны, а не на ее спаде. И это - на исходе восьмого десятка! Люди, плохо знавшие Юрия Львовича, полагали, что ему слегка за шестьдесят. Окружающие часто не поспевали за стремительным движением его мысли. Казалось, его интересует все. С юношеским азартом и восторгом он занимался структуралистикой и демографией, клиометрией и микроанализом, "мелочеведением" и компаративистикой. Новизна отличала практически все его работы. Он всегда был в курсе самых последних веяний исторической науки и тут же пытался понять, что они дают для дальнейшего продвижения вперед - для познания Человека, его внутреннего мира. Юрий Львович неоднократно повторял, что задача истории не воссоздание "объективной реально-

сти" и не раздача характеристик. Для него главное было понять, что представляет собой Другой, чтобы лучше разобраться в себе самом. Быть может поэтому, он так близко к сердцу принимал то, что происходит в исторической науке. Быть может поэтому, бывал порой столь бескомпромиссен и придирчив к себе и окружающим...

Он не щадил себя. За право быть всегда самим собой он заплатил полной мерой. И жизнь, не щадившая его, "прогнулась" под него.

Счастье было работать вместе с ним, рядом с ним. Юрий Львович был замечательным собеседником и прекрасным читателем. Он умел прислушиваться к людям, моментально улавливая каждую новую ноту (в том числе фальшивую), умел уловить и поддержать каждую новую идею, умел дорожить своим и чужим временем, понимая, что дни лукавы. И окружающие ценили это и тянулись к нему. Своих молодых коллег и учеников он призывал не откладывать то, что хочешь сделать, не собираться, а строить. И строил - в полноте, до конца, в совершенстве. Строил сам и помогал строить другим. "Плетите свою сеть, плетите - и тогда у вас что-то останется", - повторял он.

Продолжая лучшие традиции отечественной медиевистики, связанные со школой А.И. Неусыхина, Юрий Львович создал свою научную школу. Создал вопреки тому, что на протяжении многих лет был лишен (личная драма срасталась с драмой советской исторической науки) нормального общения со студенческой аудиторией, - он, блестящий лектор, выдающийся исследователь, педагог и организатор. Лишь в последние годы Юрий Львович обрел внешнюю свободу, свободу действий - внутренняя свобода давно уже была его личным завоеванием, выстраданным и от этого еще более ценным.

Пройдя непростой жизненный путь, вобравший в себя и сражения на полях Великой Отечественной войны, и незавидную, казалось бы, участь учителя в мужской средней школе, и конфликты с советскими партийно-чиновничьими структурами, Юрий Львович до конца сохранял завидный оптимизм, ясный и принципиальный взгляд на происходящее, мужество в отстаивании своих (и чужих, если они представлялись ему стоящими) идей.

Это был настоящий self-made man, продолжавший с жадностью учиться, познавать новое до последнего дня своей жизни.

Последние годы своей жизни Юрий Львович полностью посвятил направлению, которое разрабатывалось в созданном им центре "История частной жизни и повседневности". Ход этой работы отразился в первых четырех выпусках основанного Юрием Львовичем альманаха "Казус", в двух томах коллективной монографии, посвященной истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии, в совместном российско-германском проекте "Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы". Возглавляемые Юрием Львовичем постоянные и весьма активно действующие научные семинары в Институте всеобщей истории РАН и Российском государственном гуманитарном университете неизменно привлекали внимание как солидных ученых, так и только

входящих в научный мир студентов-гуманитариев. При этом сам Юрий Львович постоянно подчеркивал, что он и его коллеги находятся в самом начале пути, и тщательно следил за тем, чтобы эти проекты не начали, по его собственным словам, "склерозировать".

Внезапный уход - в буквальном и, к глубочайшему сожалению, как оказалось, переносном смысле этого слова - с заседания последнего коллоквиума, который Юрий Львович организовал с участием немецких коллег, поставил точку в этом неумном движении вперед, оставив в душах людей, которых он объединял вокруг себя, ничем не восполнимую пустоту...

И.М. Данилевский

Григорий Александрович ТКАЧЕНКО

Редакционная коллегия "Одиссея" с глубоким прискорбием сообщает о безвременной кончине Григория Александровича Ткаченко (1947-2000), нашего автора и коллеги.